

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2020

ISSN 2079-8784

URL - http://history.jes.su

Все права защищены

Выпуск 1 (87) Том 11 - Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917—1947 гг.. 2020

Библия в СССР

Чумакова Т. В.

Санкт-Петербургский государственный университет Российская Федерация, Санкт-Петербург

Пызиков Д. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация

В статье делается попытка создания общей картины бытования Библии в СССР до конца 1940-х гг. В качестве источников использованы книги, опубликованные в СССР в 1922—1947 гг., а также антирелигиозные издания: газета «Безбожник» и журнал «Антирелигиозник» и другие. Авторы доказывают, что несмотря ни на что Библия рассматривалась идеологами как пропагандистская литература, она продолжала играть значительную роль в культуре. Знание о Библии сохранялось в фольклорной традиции. Впрочем, для «народа» Библия зачастую продолжала оставаться «воображаемой книгой». Продолжалось научное изучение Библии и ее переводов (в первую очередь, славянской Библии). Поскольку библейские сюжеты часто встречаются в живописи, литературе и искусстве, их знание не переставало быть важной частью советской культуры. Даже антирелигиозная пропаганда не могла обходиться без научного изучения Библии и изложения библейских сюжетов. Казус советской пропаганды состоял в том, что работы, издаваемые как пропагандистские, становились источником знаний о Библии.

Ключевые слова: Библия, СССР, история изучения религии, «народная Библия», идеология, наука

Дата публикации: 29.02.2020

Источник финансирования:

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в

социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.».

Ссылка для цитирования:

Пызиков Д. Д., Чумакова Т. В. Библия в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 1 (87) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840007423-4-1/ (дата обращения: 06.04.2020). DOI: 10.18254/S207987840007423-4

- Библия, как и другие священные книги, часто оказывается в центре «священных войн», поскольку этим книгам люди склонны придавать не только религиозное, но политическое и идеологическое значение. «Библейские войны», начавшиеся в Российской империи в XIX столетии были связаны с трансформацией русской религиозной культуры, «библейские войны», начавшиеся в 20-е гг., были связаны с кардинальным изменением всей картины мира, и их задачей было «расколдовывание» священных книг, их десакрализация, поэтому под контроль было взято издание и распространение библейских книг, а также знаний о них. Библия в СССР идеологами воспринималась как олицетворение того мировоззрения, которое было необходимо изменить. Знание библейских текстов противопоставляется в первую очередь естественнонаучному образованию, и Библия ассоциировалась с «тьмой незнания». Это было основой антирелигиозной пропаганды и пропаганды научного мировоззрения в целом.
- 2 Жесткий контроль над литературой религиозного содержания начал устанавливаться еще в 1920 г., когда Наркомпрос разослал инструкцию о пересмотре каталогов и изъятии устаревшей литературы из библиотек. Впрочем, цели этого постановления были не только идеологические, но и практические: в стране была катастрофическая нехватка бумаги. В результате были уничтожены тонны книг XVIII—XIX вв., что вызвало протест в Академии наук, и на Общем собрании АН 5 февраля 1921 г. было «положено обратиться в Госиздат об образовании Комиссии по разборке подлежащих уничтожению церковно-философских и исторических книг в связи с переработкой их на бумагу»¹.
- 3 б июня 1922 г. вышел декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «Положение о главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)». Третий параграф декрета содержал список материалов, которые могли быть запрещены к изданию и распространению: «а) содержащих агитацию против советской власти, б) разглашающих военные тайны Республики, в) возбуждающих общественное мнение путем сообщения ложных сведений, г) возбуждающих националистический и религиозный фанатизм, д) носящих порнографический характер».
- 4 Тут нет упоминания о конкретных священных книгах, но при желании библейские тексты могли быть запрещены и по пункту а) и по пункту г), а при некоторой фантазии (а фантазии российским цензорам никогда не надо было занимать) и по пункту в). В последующие десятилетия (в Главлит просуществовал до 1991 г.) этот декрет продолжал оставаться действующим, и дополнялся инструкциями, которые регламентировали деятельность областных органов (Обллит). Эти организации занимались в том числе и контролем за составом библиотечных фондов, и занимались изъятием в библиотеках книг, которые подлежали передаче в спецхран или уничтожению. Но наибольшая «заслуга» в деле уничтожения библиотек конечно же принадлежала Наркомпросу, который после выхода 30 октября 1929 г. постановления Секретариата ЦК ВКП (б) «Об улучшении библиотечной работы», согласно которому было необходимо «провести просмотр книжного состава всех библиотек и очистить его от идеологически вредной, устаревшей и не подходящей к данному

типу библиотек литературы", принял «решение изъять до 80 % литературы из библиотек массового пользования»². Книги религиозного содержания из библиотек изымались, и доступ к ним сохранялся только в научных библиотеках. Но попытки полного запрета Библии в СССР все же пресекались.

- 14 ноября 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) приняла решение минимизировать печатание религиозной литературы внутри РСФСР (а ввоз ее из-за рубежа постепенно свести на нет), имея в виду, что такого рода продукция должна предназначаться исключительно для внутреннего пользования членами сектантских общин, а не для массового распространения среди широких слоев населения³. В связи с этим и последующими постановлениями, подтверждающими запрет на ввоз религиозной литературы, и ограничения тиражей, публикация священных книг стала редкой. В 1922 г. был запрещен массовый ввоз Библий из-за границы, разрешалось получать в посылках не более 1 экземпляра. И это при том, что интерес людей к тексту Библии на русском языке возрос в связи с увеличением в СССР числа протестантов (в первую очередь баптистов и христиан веры евангельской). Лидер христиан, президент Всероссийского союза Евангельских И. С. Проханов писал в своих воспоминаниях: «К 1924 г. снабжение Библиями было приостановлено. Настоящий голод по Священному Писанию начал давать себя знать. Повсюду, особенно после наших Богослужений, люди подходили за Библиями, но мы не могли дать ни одного экземпляра. Это было весьма печально, но мы ничего не могли поделать. В некоторых местах предлагали корову или мешок зерна, а в то время это были большие деньги, за одну Библию»⁴. Проханов отправился в США, и привез оттуда средства для публикации Библии, а возможно и получил какую-то политическую поддержку, которая сделала эту публикацию возможной, поскольку другими протестантами таких разрешений не было дано, и в 1926—1927 гг. библейские книги (в так называемом «синодальном переводе», но уже в советской орфографии) «Библия, книги священного писания Ветхого и Нового завета: Канонические» и «Новый завет господа нашего Иисуса Христа и псалтирь в русском переводе» были опубликованы в Ленинграде. Следующий раз баптисты получили право на печать Библии только в 1968 г. тиражом 2 000 экземпляров. Московская патриархия первый раз получила возможность издать книги Библии только в 1956 г., а затем в 1968 г. В 1976 г. праздновалось столетие издания Библии на русском языке, и в честь этого события также были получены разрешения на издание библейских книг. Книг, конечно не хватало, Библии не поступали в свободную продажу, распределяясь внутри религиозных организаций, оставаясь недоступными для большинства верующих. Сын священника Георгия Чистякова пишет: «Вспоминается, что архимандрит Таврион (Батозский) советовал своим прихожанам переписывать Евангелие от руки и дарить детям. Кому-то удавалось купить дореволюционное издание Библии у букинистов (разумеется, с рук — в букинистические магазины ее не принимали), кому-то посчастливилось раздобыть Библию или Евангелие, выпущенные Издательским отделом Патриархии (моя бабушка Ольга Николаевна сумела купить такое Евангелие в Ростове Великом — в Москве их в свободной продаже не было — и была несказанно рада). Иной раз Библию на свой страх и риск привозили из Европы»⁵.
- 6 Выходили и переводы, а также научные издания отдельных библейских книг, подготовка к публикации которых началась еще до революции. В 1922 г. Отделение русского языка и словесности Академии наук выпустило глаголический памятник XI в. Синайскую псалтырь, подготовленную к изданию палеографом С. Н. Северьяновым (ум. 1918). В 1925 г. вышла «Книга Руфь» в переводе Абрама Эфроса с иллюстрациями В. Фаворского. Но затем наступает долгий период затишья, и отдельными изданиями новые переводы не выходят. В 1973 г. в первой серии «Библиотеки всемирной литературы» выходит том «Поэзия и проза Древнего Востока», в котором целый раздел посвящается библейским текстам («Книга Ионы», «Книга Руфь», «Книга Иова» «Экклезиаст» и др.), которые были переведены

- С. С. Аверинцевым. В стране шла активная работа по переводу библейских текстов, но их активная публикация началась только с начала 90-х гг., и в частности вышли переводы, сделанные М. И. Рижским «Книга Иова» и «Книга Экклезиаста», а в журнале «Литературная учеба» начал публиковаться новый перевод Евангелий на русский язык. С конца 70-х гг. был разрешен ввоз Библии из-за границы, и ситуация начала кардинально меняться, к концу советского периода Библия стала легко доступна.
- Библейские исследования после революции 1917 г. практически прекратились, преподавание библеистики как богословской дисциплины возобновилось в духовных академиях только в 50-е гг. Востоковеды библейскими исследованиями в этот период практически не занимались, хотя библейские тексты фигурировали всегда среди письменных источников по истории Древнего Востока как в научной литературе, так и в учебниках⁶ (в научных библиотеках для исследователей Библия была доступна). Несмотря на усиление идеологической цензуры, в конце 30-х г. изучение библейских сюжетов было возможно в рамках исследования русской истории и литературы. Сталинская идеология советского патриотизма, отринувшая недавние идеалы пролетарского интернационализма, нуждалась в архаике, столь необходимой для конструирования политического мифа. В связи с этим сперва начинается реабилитация Александра Невского⁷, а позже и других «великих предков» (Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова)⁸ Благодаря тому, что власть стала апеллировать к «славянским древностям», вновь стали возможны исследования древнерусской литературы, а вместе с ними и такое направление исследований, как славянская библейская филология. И не удивительно, что первой диссертации, защищенной в СССР по библеистике, стала работа Н. А. Мещерского «Древнерусский перевод еврейской книги Есфирь», защищенная в 1946 г. Впрочем, текстологические исследования славянских переводов библейских текстов в СССР публиковались вплоть до 1930 г., это статьи П. А. Лаврова, Ф. В. Каминского, Н. Н. Дурново, П. А. Бузук, последней в 1930 г. в «Известиях по русскому языку и словесности Академии наук СССР» вышла статья В. Н. Перетца «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. Но в конце 40-х гг. и такие исследования вызывали подозрения у идеологов, и вовсе не из-за возможной религиозной пропаганды, а из-за новой «угрозы»: 29—30 марта 1949 партсобрании космополитизма. Γ. на Пушкинского председательствующий А. С. Бушмин (тогда еще не академик, а всего лишь младший научный сотрудник) в своей речи отметил, что «Гуковский, как законченный космополит, трактует вопрос формирования русского национального стиля, когда говорит, что "русский национальный стиль образовался из эпических... гомеровских греков и библейских евреев". Это вредная пропаганда космополитизма»⁹. Этот новый виток «библейских войн» в России завершился только в 70-е гг. ХХ в.
- 8 Местом, откуда никогда не уходила Библия были музеи. Цитаты из Библии присутствовали в экспозициях историко-религиозных выставок и музеев, книги выставлялись на выставках в библиотеках и в музеях. Каким образом можно было продолжать изучение и экспонирование библейских книг в самые непростые времена, начавшиеся с середины 30-х гг.? При анализе литературы и экспозиционных планов становится ясно, что существовало несколько основных стратегий: изучение «славянской Библии» и рассказы о ней в музейной среде были возможны благодаря тому, что в середине 30-х гг.произошла смена доминант: на смену интернационализму пришел советский патриотизм, и переводы Библии на славянский язык стали одним из символов достижений славянских народов. В большом количестве выходили научные и научно-популярные книги, посвященные «первопечатнику Ивану Федорову» 10, также выходили сочинения о Франциске Скорине. Выставки и публикации, посвященные Библиям на европейских языках, сопровождались комментариями о том, что католическая церковь преследовала тех, кто публиковал книги на национальных языках 11.

Изучение религии, которое всегда при желании можно представить как антирелигиозную пропаганду, также давало возможность говорить о Библии и ее переводах¹². И конечно же искусствоведческие работы не могли обходить вниманием Библию. Анализируя художественную литературу или произведения живописи, исследователи не могли игнорировать библейские сюжеты.

В истории идеологической работы в области религии в СССР можно выделить несколько периодов, которые оказали воздействие и на развитие науки о религии, и на отношение идеологов к религиозным феноменам. Первый — с 1917 г., период антирелигиозной, чаще всего, антицерковной агитации. Второй — с 1922 г., с момента выхода в свет статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой он указывал на необходимость вести «неутомимую» атеистическую пропаганду. Основные тезисы этой статьи, получившей название «философское завещание Ленина» были положены в основу решений партии по вопросам борьбы с религией 13. Но фактически второй этап начался с обсуждения вопросов атеистической пропаганды на Х съезде РСДРП (б) (8—16 марта, 1921 г.). Выступая на нем, П. А. Красиков¹⁴ заявил: «Вопрос религии, товарищи, в России имеет, как вы знаете, весьма важное значение. Но, тем не менее, этот «религиозный фронт» до сих пор у нас немножечко в забросе. Всякие наши местные организации вели более или менее разбросанную, более или менее некоординированную агитацию и пропаганду в этом отношении... Вы знаете, товарищи, что у нас имеется в Комиссариате юстиции 8-й отдел по отделению церкви от государства. Он по преимуществу занимался этим вопросом... тем не менее, мы должны признать, что антирелигиозная пропаганда — не его прямая задача. Он издает журнал «Революция и церковь», который распространялся только в 40 тысячах экземпляров. Вы понимаете, что такое количество на нашу страну является чрезвычайно малым»¹⁵. Также Красиков отмечал, что в стране усиливается религиозная пропаганда, которая, по его мнению стала орудием объединения буржуазии и кулаков. Особенно активно работают протестанты, создающие сельскохозяйственные коммуны. И политическое управление этими людьми ускользает из рук партии. И именно по этой причине пришло время усилить антирелигиозную пропаганду и агитацию. И в первую очередь путем научного просвещения: «распространение естественно-научных, естественно-исторических сведений среди широких масс крестьянства» 16. На этом съезде РКПб были приняты резолюции относительно работы Главполитпросвета, и в частности об антирелигиозной работе. По требованию Красикова особо была подчеркнута опасность неумелой антирелигиозной работы: «Одной из существенных задач Главполитпросвета является широкая постановка, руководство и содействие в деле антирелигиозной агитации и пропаганды широких масс трудящихся. Для этой цели Главполитпросвет должен, между прочим, сделать доступным самым широким массам естественно-исторические знания путем издания журналов, книг, учебников, постановки систематических циклов лекций и использования для распространения этих знаний всех способов современной техники (фото-кино и так далее)» 17 В 1922 г. П. А. Красиковым и И. А. Шпицбергом создается издательство «Атеист». Задачи издательства многом совпадали программным заявлением, опубликованным религиоведческом советском журнале «Атеист» в 1925 г.: «Наша цель — научная борьба с религией, как с идеологической надстройкой, ненаучной и вредной для трудящихся масс... Наш журнал — посильная помощь активным атеистам и тем, кто таковым быть хочет и быть обязан...» В этой программной статье главный редактор «Атеиста» А. И. Шпицберг демонстрирует хорошее знание современных западных журналов, посвященным изучению религии. Он вспоминает знаменитый немецкий "Archiv für Religionswissenschaft", немецкие журналы по библеистике "Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft", "Zeitschrift für die Wissenschaft". Ho ОН критикует как либеральный Religionswissenschaft", так и журналы по библеистике. Он их критикует не с научной, а с

идеологической точки зрения. И этот разрыв между идеологией и наукой, который четко зафиксирован в этой программной статье, окажет большое влияние не только на советские, но и на постсоветские исследования религии. Музей истории религии АН СССР всегда, с самого начала его существования подвергался партийной критике за «пропаганду религии», хотя все, что делали его сотрудники — рассказывали о различных религиях.

- Больше всего статей в журнале «Атеист» было посвящено истории религии (прежде всего истории христианства), эволюции религиозных верований, религиозному синкретизму и народной религиозности. В каждом номере публиковались работы западных исследователей: М. Вебера, З. Фрейда и других. В статьях о религиозных объединениях делался акцент на хозяйственной деятельности религиозных организаций. Были и работы гендерного характера, в которых ощущалось влияние первой волны феминизма. В журнале публиковалось много научных статей, посвященных изучению Библии. Так в 1929 г. была опубликована статья представителя французского крыла «мифологической школы», профессора Страсбургского университета Просперо Альфарика «Евангелие от Марка». А в 1929—1930 гг. был опубликован цикл статей Г. Фрезера: «Грехопадение прародителей», «Лестница Иакова», «Печать Каина». В 1930 г. была также опубликована статья О. М. Фрейденберг «Евангелие один из видов греческого романа».
- Несмотря на идеологический крен, который был задан еще решениями Х съезда 11 РКП(б), котором обсуждался вопрос о «Главполитпросвете агитационноработе партии» 19 , И пропагандистской были приняты решения относительно антирелигиозной работы, в этих изданиях была значительная научная составляющая. В антирелигиозных журналах и организациях, связанных с деятельностью Союза воинствующих безбожников оказалось много ученых, часть из которых действительно отрицательно относились к религиозным институциям, что можно понять, если мы вспомним то, что церковь в Российской империи фактически стала бюрократической организацией, осуществлявшей в том числе и надзорные функции. Но это не мешало им оставаться учеными. И то, что они считали, что задачей ученого в этой стране, значительная часть населения которой безграмотна, является народное просвещение (вера в культтрегерство объясняется и тем, что среди тех, кто занимался изучением религии было много бывших народников), это вполне объяснимо, и к антирелигиозной пропаганде они относились не столь формально, как пропагандисты позднего советского времени. Они (и тут можно вспомнить репрессированного в 1935 г. Николая Маторина²⁰) действительно верили в прекрасное будущее, которое так и не наступило. К сожалению, среди тех, кто занимался антирелигиозной пропагандой много было и людей малообразованных, но зато чрезвычайно активных, и легко умеющих быстро подстраиваться под очередную «смену курса» партии и правительства. И в этой системе также оказались и академические ученые, которых скорее всего никакая политика вовсе не интересовала²¹. Отношение исследователей и пропагандистов к религиозным организациям и к изучению религиозных феноменов значительно отличалось. Среди авторов антирелигиозных периодических изданий были статьи идеологов и пропагандистов, вроде Φ . Путинцева²², но в них также публиковались работы западных авторов, а также советских ученых, таких как В. Г. Богораз и других. Возможность научной работы в области религии сохранялась благодаря резолюции XII съезда партии²³ «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» (1923), в которой говорилось об изучении истории религии. После выхода резолюции резко увеличилось издание книг, посвященных проблемам религии, а также статей (все партийные периодические издания публиковали статьи атеистического содержания и печатали обзоры). Отстаивая «право на жизнь» религиозной литературы, нарком просвещения А. В. Луначарский писал тогда: «Производит впечатление полного курьеза запретить, скажем, «Фауста» за мистицизм, запретить Библию, которая ведь есть религиозная книга, запретить Гомера как милитаристскую книгу и так далее. Всякий понимает, что тот ничтожный вред,

который отрицательные стороны этих великих произведений могут произвести, уравновешивается сторицею положительными сторонами, тем высоким духовным подъемом, который может получить в результате подготовленный читатель или зритель и который должен получить при помощи такой подготовки каждый неподготовленный»²⁴.

- За последние четверть века вышло немало работ, в которых в той или иной мере затрагиваются вопросы исследования антирелигиозной литературы²⁵. Их можно условно разделить на две группы: самая малочисленна, это работы, не содержащие оценочных суждений, авторы которых стремятся проанализировать этот сложный, полисемантичный феномен; и вторая, которую также можно разделить на две антагонистические группы, это группы, авторы которых постоянно прибегают к оценочным характеристикам, путая журналистов, пропагандистов и ученых, публиковавшихся в антирелигиозных периодических изданиях Союза воинствующих безбожников. Если авторы, относящиеся к первой группе стремятся показать сложность и неоднородность подходов к антирелигиозной пропаганде внутри самого условного «атеистическо-публицистического сообщества», в котором мы можем выделить «чистых» пропагандистов, вроде уже упомянутого Путинцева или Марии Михайловны Костеловской, бывшей редактором журнала «Безбожник у станка», которую сложно считать исследователем религии, религиоведом или даже «научным коммунистом». Это советский бюрократ, занимавшийся пропагандой. Подобных «атеистических» бюрократов невозможно сравнивать с учеными вроде В. Г. Богораза или Н. М. Маторина, хотя и они также занимались и антирелигиозной пропагадной, и активно занимались организационной работой и были вынуждены погружаться и в проблемы советской бюрократии, являясь руководителями различных институций. Да, тот же Богораз не раз сравнивал этнографа с миссионером, который несет в массу просвещение, знание, и именно благодаря знаниям (а отнюдь не кровавым расправам) и происходит преодоление религии. Ни он, ни его ученики не призывали сжигать иконы и разорять церкви. Совсем напротив, в работах Николая Маторина мы встречаем слова о необходимости сохранять «ритуальные комплексы» (часовники, почитаемые источники и прочие) как памятники народной культуры. Тенденция, которую также можно назвать идеологической, пришла на смену идеологическим установкам сталинского времени, и также проявляется в неприятии принципов свободы совести, и видя все зло мира в «безбожниках», приводит к мифологизации исследовательского пространства и даже к демонизации отдельных исследователей.
- Помимо журнала «Атеист» в СССР выходили и другие антирелигиозные журналы: в 20-е — 30-е гг.: с 1919 г. выходил журнал Наркомата юстиции «Революция и Церковь» (1919 —1924), в котором печатались официальные документы о взаимоотношениях государства и Церкви в самом начале 20-х гг. издавались антирелигиозные журналы: «Наука и религия» (1922, Москва, редактор газеты М. Горев (Галкин), бывший священнослужитель), «Вавилонская башня» (1922, Петроград, издатель и редактор М. Корцов). Гораздо сильнее влияние агитпропа ощущается в изданиях возникшего в 1925 г. Союза воинствующих безбожников. Но и в этих изданиях (газета и журнал «Безбожник», «Антирелигиозник») сохранялась примерно такая же проблематика, как в «Атеисте». До 1935 г. в этих изданиях публиковались современные работы по антропологии религии, заметки об экспедициях, изучавших «живую религию» в СССР, то, в чем в тот период советская наука не отставала от мировой. Эти журналы предназначались скорее подготовленной публике, тем, кто сам будет заниматься атеистической пропагандой. Особенно интересен был научнометодический журнал «Антирелигиозник», который являлся органом Центрального совета СВБ СССР, и издавался с 1926 г. по июнь 1941 г. Он освещал не только ход антирелигиозной работы, но и помещал многочисленные статьи по истории религии и атеизма, методические материалы для агитаторов, рассказывал о экспедиционной деятельности исследователей антропологии религии. Почти в каждом номере публиковались материалы, в той или иной

степени отражавшие библейскую проблематику: от научпоповских статей Н. В. Румянцева по истории христианства и о персонажах Нового Завета до работ А. Б. Рановича по библейской критике²⁶. На страницах журнала также велись дебаты о том, надо ли «антирелигиозникам» изучать «так называемые священные книги»: Коран, Библию, Талмуд, и давался четкий ответ: надо! Ценные сведения можно обнаружить и в журнале «Безбожник», который также был центральным изданием СВБ (в регионах выходили многочисленные местные газеты и журналы под названием «Безбожник»). Журнал «Безбожник», которым руководил Ем. Ярославский, в 1932 г. объединяется с «Безбожником у станка», и с этого момента им начинает руководить Путинцев. Наиболее радикально антирелигиозным из них был журнал «Безбожник у станка», иллюстрированный ежемесячный тонкий журнал, рассчитанный на рабочих и крестьян. Ответственным редактором была уже упоминавшаяся М. М. Костеловская, а с июля 1928 г. им стал И. Стуков. Художник Моор (Д. С. Орлов) возглавлял художественную часть. Именно иллюстрации Моора сделали этот журнал популярным. Среди иллюстраций Моора в «Безбожнике у станка» было много иллюстраций библейских (ветхозаветных) сюжетов. Впрочем, характер этих иллюстраций был таков, что позволяет говорить не только об агрессивной пропаганде, целью которой является конструирование образа врага, но даже о своеобразной демонизации иудаизма²⁷, что отличает эти иллюстрации от мягкого юмора «Сотворения мира и человека» и «Адам познает мир» Жана Эффеля, художника, с чьим творчеством советский читатель познакомился в начале 60-х гг.²⁸. Для поколений советских детей эта книга стала чем-то вроде «Детской Библии», в которой рассказывалось о добром старике Боге и дьяволе, вечно попадающем впросак. Если бы подобные карикатуры появились в 20-е гг., то возможно их восприняли бы как религиозную пропаганду. Помимо указанных журналов в 20-х — начале 30-х гг. выходило множество других журналов: «Деревенский безбожник» (1928—1932); «Юные безбожники» (1931—1933) и даже журнал «Безбожный крокодил» (1924—1925, отв. ред. Ем. Ярославский). Библейская тематика в них всегда присутствовала, часто в форме критики библейских рассказов о сотворении мира, которые трактовались с точки зрения естествознания.

Хотелось бы отметить, что далеко не всем, кто занимался пропагандой, нравилось то, что в этих журналах, и особенно в тех, что были адресованы не пропагандистам, а «потребителям пропаганды», вроде журнала «Безбожник у станка», рассказывалось об истории религии. Некоторые идеологи склонны были считать это формой латентной религиозной пропаганды. Об этом много говорилось на Антирелигиозном совещании в Москве в апреле 1926 г. В. Логинов в своем выступлении отмечал: «Журнал «Безбожник у станка», который считает себя монополистом в области этой темы, тем не менее начал свое существование с той ошибки, которая стоит в прямом противоречии с этой точкой зрения. Я т. Костеловской говорил, когда мы вместе с ней начинали это дело, что все разговоры об Адонисах, Озирисах и митрах — это старая скучная, никому не интересная белиберда, которой перегружать наши литературные органы не стоит, и тем не менее первый номер журнала несмотря на эти разговоры вышел с митрами, Адонисами, Озирисами и так далее»²⁹. Емельян Ярославский, известный деятель Союза воинствующих безбожников и автор многократно переиздававшийся научно-популярной антирелигиозной работы «Библия для верующих и неверующих» выступил категорически против отказа от изучения истории религии и библеистики не только для будущих пропагандистов (необходимость повышения их религиоведческой образованности никто не оспаривал), но и «потребителей пропаганды». Ярославский отметил: «Теперь об историзме. Всякие митры, адонисы и проч. некоторые т.т. предлагают сдать в архив. Это очень хорошо сказать — сдать в архив, но т.т. это некоторое комчванство. И Владимир Ильич говорил, что мы свою культуру можем основать только на том, что мы опыт накопления культуры усвоим, а вы вместо усвоения этой культуры хотите сдать в архив. Говорите, что надо изучать буддизм, а разве можно изучать буддизм, не изучая истории религии»³⁰. Эта точка зрения достаточно часто встречается в пропагандистской

литературе. В пьесе «Политсуд над книгоубийцей» Библия приходит на суд над неаккуратным читателем Козловым и заявляет: «Он меня, священную книгу, назвал идиотской, употреблял меня для того, чтобы сделать себе повыше сиденье. Систематически вырывал из меня листы и делал из них петушков, да курочек, да лодочки своей сестре»³¹. Суд осуждая претензии Библии, постановляет «предать библию суду за ее поведение. Но вместе с тем суд определяем, что даже с ней и подобными ей книгами обращаться надо бережно. Ибо они нужны для того, чтобы изучая их, обнаруживать их глупость и обман».

- 15 Ярким образцом сочетания исторических фактов и антирелигиозной пропаганды являлась «Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского, которая неоднократно переиздавалась в СССР в течении полувека, начиная с 20-х г. (именно благодаря этой книге многие знакомились с библейскими сюжетами), а также выходившая неоднократно с 1925 г. «Занимательная Библия» Лео Таксиля. По сути они стали «Толковыми Библиями» для советских людей, которым, как и их предкам, государство не хотело дать возможность самостоятельно анализировать библейский текст.
- Критика Библии с точки зрения естествознания стала одним из основных инструментов антирелигиозной пропаганды и вместе с тем, одним из инструментов просветительской работы среди граждан СССР. Научная критика библейских книг была связана в первую очередь с критикой креационизма, содержащейся в первой книге библейского корпуса. Научно-популярная литература, в которой рассказывалось об эволюции человека, животного и растительного мира, о вымерших животных (мамонтах)³², об образовании гор и проч³³. издавалась в большом количестве с начала 20-х г. Создавались музеях, активно краеведческих работали лекторы, просветительской работой занимались комсомольцы³⁴. Начиная с 1922 г. основными ПО антирелигиозному воспитанию стали комсомольская комсомольское рождество, к которым специально выпускались тиражи «Библии для верующих и неверующих» Ем. Ярославского и других книг. Сценарий проведения Комсомольской пасхи включал суд на Библией³⁵, а Комсомольское рождество должно было проходить в беседах о мифологических корнях легенды о рождении Мессии³⁶, демонстрации фрагментов Библии, которые противоречили друг другу и проч. По сравнению с первыми послереволюционными годами, изменилась форма проведения этих антирелигиозных мероприятий. С 1924 г. комсомольское рождество проводилось под лозунгом естественнонаучной пропаганды³⁷.
- Но лекторам приходилось сражаться не столько с «просвещенным» креационизмом, сколько с народным богословием, которое столетиями развивалось народной культуре, впитывая в себя не столько скупые библейские сведения о творении, чтения из «Шестодневов», христианскую эсхатологию (источником которой могли быть лубочные изображения), апокрифы и псевдоэпиграфы, сколько народные легенды. Этиологические легенды о происхождении мира, человека, животных и растений были повсеместно распространены, и оказывали значительное влияние на «народное мировидение» 38. Второй важной составляющей народного богословия была эсхатология. И она порой представляла некую опасность для власти, поскольку говорила о том, что «этому миру», даже «новому», все равно придет конец. А это никак не вписывалось в утопическую картину советской идеологии, которая была устремлена в вечность. В этом отношении представляет интерес фрагмент выступления члена делегации колхозников Московской области тов. Степановой на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. Степанова отметила, что: «Раньше нам по библии и по евангелию говорили. Но по библии говорили, что 3 месяца будет существовать советская власть, а по евангелию— 6 месяцев. А мы вот уже существуем 17 лет»³⁹. Любопытно, что колхозница явно не знакома с реальным библейским текстом, и

воспроизводит какие-то фольклорные библейские сюжеты эсхатологического характера. Этот небольшой фрагмент чрезвычайно любопытен, поскольку говорит и о другой причине критики библейских текстов в СССР, но уже о критике «воображаемой Библии», которая в идеологическом плане представляла куда как большую опасность, чем реальная, поскольку значительная часть эсхатологических сюжетов этой воображаемой библии была посвящена геополитической проблематике, окончанию советской власти или ее скрытой критике как власти «безбожной». Множество примеров такой «антигосударственной» деятельности «сектантов» (адвентистов, баптистов, субботников и других) можно найти в брошюре Путинцева под говорящим названием «Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о "конце света")»⁴⁰. Этот феномен среди исследователей получил название «антисоветский эсхатологизм», и его применяют по отношению к тем народным религиозным движениям, которые активно возникали в народной среде в 20-е гг., но из-за репрессивной политики государства они, несмотря на широкий размах (исследователи считают, что число сторонников таких движений могло насчитывать десятки тысяч человек) постепенно почти исчезли. Вторичная радикализация этих движений пришлась на середину 40-х гг. 41 В этом контексте становится понятна история об опасливом отношении священнослужителей к пересказу библейских историй, рассказанная в монографии С. Майнера, который приводит рассказ английского подданного, летом 1944 г. посетившего с группой друзей Покровский собор на Рогожском кладбище. Проповедь читал «архиепископ Геронтий, «только недавно освободившийся после двадцатилетнего заключения» 42. Архиепископ рассказывал историю пророка Илии и наставлял против воровства. «Потом мы спросили его, — писал посетитель церкви, — почему он так мало времени уделил библейской истории. Он сказал, что было бы неосторожно задерживаться на грядущем конце мира и смешении рая и ада, если бы его слушали агенты НКВД»⁴³.

18 Феномен «фольклорной Библии», изучением которой занимались еше дореволюционные исследователи, в первые два послереволюционных десятилетия привлекал внимание и советских ученых. Эти исследования велись по двум направлениям: изучение круга чтения «народа» и сбор фольклорных материалов. Первые исследования круга чтения были проведены Комитетом грамотности еще в 1891 г. Среди 45 вопросов были и вопросы о чтении библейских книг: «Что больше читается: евангелие на славянском языке? на русском языке? библия, псалтырь, часослов, жития?»⁴⁴. В начале 20-х г. проводились социальноэкономические исследования в деревнях, среди прочих вопросов анкеты был также вопрос и о грамотных в семье и о круге чтения. Библейские книги достаточно часто упоминались в ответах: «Читает сказки, песенник, евангелие; других книг доставать не приходится» <...> «Книг не читаю — нет книг. Купишь книгу — искуришь купленную. Все евангелие искурил». «Читает евангелие и сказки (Бова королевич)» ... «Читает евангелие и библию» 45. Опросы, проведенные в деревнях, где проживали баптисты, показали, что евангелие преобладает в круге чтения: «Несколько опрошенных евангелистов в анкетах указали, что читают евангелие. Принимая во внимание, что подавляющее большинство вообще ничего не читает, приходится признать, что удельный вес читаемого евангелия очень велик среди прочих книг, пользуемых деревней»⁴⁶. «Фольклорная Библия» играла важную роль в народной жизни, являясь важным нарративным источником пророчеств о конце света и геополитических переменах в жизни страны. При этом ей приписывается очень высокий сакральный статус, поскольку «фольклорная Библия» многими информантами воспринимается как «ранешняя», что отличает ее от официальной 47. Именно это обеспечивает ее сохранение и развитие и сейчас, несмотря на доступность печатной Библии. Исследователи 30-х гг. приводят факты о народном почитании Библии как сакрального объекта. Плисецкий писал о том, что в одном поселении близ Лайлаши (Грузия) особо почитается Библия на древнееврейском языке, и

«Местные жители грузины и сваны якобы почитают эту библию как святыню и молятся над ней» 48. Возможно именно малая доступность Библии также способствовала увеличению ее сакрального статуса Книга Книг, недоступной простому человеку. В повести К. Петрова-Водкина «Хлыновск» один из персонажей говорит: «На счет библии не говори, — наставительно замечает Стифей, — ее никто насквозь не дочитывал: не дано это уму человеческому» 19. Подобные представления сохраняются и сейчас. Информант из Новгородской области в 2001 г. рассказывал исследователю: «Кто, говорят, Библию прочитает, пять процентов ума теряет... На корке [т.е. на обложске] написано» 50.

Рассматривая изучение и бытование Библии в СССР в 20-х — 40-х гг., мы неизбежно приходим к выводу о том, что она в эти годы стала скорее «воображаемой книгой», отличная от реальной. Даже среди тех религиозных групп, которые были «текстуальным сообществом» (иудеи⁵¹, субботники, баптисты), значение практики чтения священных текстов уменьшается, и реальная Библия заменяется «фольклорной». Библия — скорее «воображаемая книга», отличная от реальной книги. Впрочем, в России до появления так называемого «Синодального перевода», Библия фактически «отсутствовала в качестве единого целого, как «книга книг» между двумя крышками переплета»⁵², она распадалась на Псалтыри, Четвероевангелие, Притчи Соломона и прочие отдельные книги. В крестьянских нарративах Библия и до революции чаще всего выступала «воображаемой книгой». В советской культуре знание Библии сводится к сумме «библейских сюжетов» и их бытованию в художественной литературе, живописи и театре. Библия успешно заменяется суррогатами, такими как «Библия для верующих и неверующих», а в позднем СССР «Библейским сказаниями» Зенона Косидовского и путеводителями «Мифы в изобразительном искусстве». Научная библеистика продолжает своей существование в качестве «славянской библеистики», изучающей переводы библейских текстов на славянские языки.

Примечания:

- 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 169. Л. 12 об.
- 2. Зеленов М. В. Библиотечные чистки в 1932—1937 гг. в Советской России [Электронный ресурс]. URL >>> (дата обращения: 01.05.2010).
- 3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 169. Л. 12 об.
- 4. Проханов И. С. В котле России, 1869—1933 М., 1993. С. 93.
- 5. Чистяков П. Сжечь Библию? // Сайт наследников священника Георгия Чистякова [Электронный ресурс]. 2016. URL: >>> (дата обращения: 29.05.2018).
- 6. См. напр. Струве В. В. История Древнего Востока. Л., 1941.
- 7. Шенк Ф. Б. Политический миф и коллективная идентичность. Миф Александра Невского в Российской истории (1263—1998) // Ab Imperio. Казань. 2001. № 1-2. С. 141—164.
- 8. Yekelchyk S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian "Heroic Pasts", 1939—1945. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. № 3(1). 2002. P. 51.
- 9. Дружинин П. А. Идеология и филология: документальное исследование. Т. 2. М., 2012. С. 346—347.
- 10. Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935.
- 11. Критика католической церкви резко усилилась после выхода папских энциклик энциклики "Quadragessimo anno" («Сороковой год»), изданной в 1931 г., в которой анафематствовался коммунизм, идеи которой были продолжены в энциклике "Capitate Christi Compulsi" (1932), провозгласившей лозунг «С Богом против безбожников». См. Юрков В. А. Ватикан и СССР. СПб., 2015. С. 35—37.
- 12. Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л., 1931.
- 13. См. подробнее: Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной

революции в СССР. СПб., 2016.

- 14. Красиков Петр Ананьевич (1870—1939), адвокат, революционер и политический деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1908). Член группы «Освобождение труда», член РСДРП(б). Неоднократно арестовывался. Член Петербургского комитета РСДРП (1905). С 1918 заместитель наркома юстиции. С мая 1918 начальник отдела культов при Наркомате юстиции, председатель комиссии по вопросам культа при ВЦИК. Руководил проведением в жизнь закона «Об отделении церкви от государства» (1918). Прокурор Верховного суда (1924—1933), заместитель председателя Верховного суда СССР (1933—1938). С 1919 по 1924 гг. редактор журнала «Революция и церковь», член Центрального совета Союза воинствующих безбожников.
- 15. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 175.
- 16. Там же С. 176—177.
- 17. Там же С. 482.
- 18. От редакции // Атеист. № 1. 1925. С. 1.
- 19. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.
- 20. Маторин (Моторин) Николай Михайлович (1898—1936) исследователь религии, этнограф, деятель СВБ. Зам. директора ИПИН, директор Института антропологии этнографии АН СССР, зав. кафедрой и руководитель отделения истории религии в ЛИФЛИ, руководил секцией по изучению религии народов СССР при МИР АН ССР (1934). Был арестован в 1935 г., расстрелян в 1936 г. Реабилитирован в 1958 г.
- 21. Об этом феномене см. Шахнович М. М. Этос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 185—197.
- 22. Путинцев Федор Максимович (1899—1947), исследователь сектантства, член Центрального совета Союза воинственных безбожников СССР с 1925. В 1932—1934 редактор газеты и журнала «Безбожник».
- 23. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. М., 1968.
- 24. Письмо наркома просвещения А. В. Луначарского председателю Главреперткома И. П. Трайнину. Июль 1923 г. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. № 3. СПб., 2006. С. 257—286.
- 25. Шахнович М. М. Е. Г. Кагаров И Музей истории религии Академии наук СССР //Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 4. С. 571—581.
- 26. Ранович А. Б. Спиноза как родоначальник библейской критики // Антирелигиозник. 1932. № 21—22. С. 22—27.
- 27. Weinberg R. Demonizing Judaism in the Soviet Union during the 1920s. Slavic Review, 67. № 1. 2008. P. 120—153.
- 28. Эффель Ж. Адам познает мир. М., 1961. Эффель Ж. Сотворение мира и человека: [Юмористические рисунки на библейские темы]. Таллин, 1961.
- 29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60 Д. 791. Л. 9.
- 30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60 Д. 791. Л. 116.
- 31. Книгу и газету рабочей и крестьянской молодежи. Хабаровск, 1924. С. 61.
- 32. Малинина М. Д. Мамонт и библия. Рязань, 1930.
- 33. Попов В. В. Происхождение земли и мира в изложении науки и библии. М., 1927. С. 80. Дрожжин О. Происхождение человека в изложении библии и науки (Конспект лекции к серии диапозитивов № 08). М., 1926. С. 14.
- 34. Andrews J. T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917—1934 // East European Studies. № 22. College Station, 2003. P. 111; Комсомол и антирелигиозная пропаганда: Сборник статей и очерков. М., 1937. С. 142.
- 35. Комсомольская пасха: Приложение к газете «Комсомолец». М., 1924. С. 201.
- 36. Комсомольское Рождество. Сборник материалов к празднованию комсомольского рождества. Л., 1925. С. 182.
- 37. Вакуров А. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917—1932. М., 1932. С. 304—316.
- 38. Белова О. В., Петрухин В. Я. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004.
- 39. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М., 1934. С. 228.
- 40. Путинцев Ф. М. Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на

- 41. Беглов А. Л. Эсхатология в СССР как религиозная и политическая практика // Конфессиональная политика советского государства в 1920—1950-е гг.: Материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11—13 октября 2018 г. М., 2019. С. 17—30.
- 42. Геронтий (Лакомкин) (1872—1951), старообрядческий священник, был репрессирован, с 1932 по 1942 гг. был в лагерях, был освобожден в связи с отбытием срока заключения. В 1943 был вызван в Москву и назначен епископом Ярославским и Костромским, служил в Покровском соборе.
- 43. Майнер С. Сталинская священная война: религия, национализм и союзническая политика, 1941—1945. М., 2010.
- 44. Массовый читатель и книга. М., 1925. С. 30—31.
- 45. Яковлев Я. А. Деревня как она есть: (очерки Никольской волости). М., 1924. С. 104—105.
- 46. Там же. С. 99.
- 47. Громов Д. В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42—44.
- 48. Плисецкий М. С. Религия и быт грузинских евреев. М.; Л., 1931.
- 49. Петров-Водкин К. С. Хлыновск: моя повесть; рисунки автора. Л., 1930. С. 222.
- 50. Мельникова Е. «Воображаемая книга». СПб., 2011. С. 179.
- 51. Зеленина Г. С. «Вся жизнь среди книг»: советское еврейство на пути от Библии к библиотеке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 60—85.
- 52. Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 217.

Библиография:

- 1. Беглов А. Л. Эсхатология в СССР как религиозная и политическая практика // Конфессиональная политика советского государства в 1920-е 1950-е годы: Материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11—13 октября 2018 г. М., 2019. С. 17—30.
- 2. Белова О. В., Петрухин В. Я. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004.
- 3. Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л., 1931.
- 4. Вакуров А. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917—1932. М., ОГИЗ: Государственное антирелигиозное издательство, 1932. С. 304—316.
- 5. Громов Д. В. Фольклорные тексты о "ранешней" Библии // Живая старина, 2003. № 1. С. 42 —44.
- 6. Громов Д. В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина, 2003. № 1. С. 42 —44.
- 7. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. М., 1968.
- 8. Дрожжин О. Происхождение человека в изложении библии и науки (Конспект лекции к серии диапозитивов № 08). М., 1926.
- 9. Дружинин П. А. Идеология и филология: документальное исследование. Т. 2. М., 2012.
- 10. Зеленина Г. С. «Вся жизнь среди книг»: советское еврейство на пути от Библии к библиотеке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4 (30). С. 60—

- 11. Зеленов М. В. Библиотечные чистки в 1932—1937 гг. в Советской России [Электронный ресурс]. URL: http://opentextnn.ru (дата обращения: 01.05.2010).
- 12. Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935.
- 13. Книгу и газету рабочей и крестьянской молодежи. Хабаровск, 1924.
- 14. Комаров В. Л. Как произошел растительный мир по библии и по науке. М., 1930.
- 15. Комсомол и антирелигиозная пропаганда: Сборник статей и очерков. М., 1937.
- 16. Комсомольская пасха: Приложение к газете «Комсомолец». М., 1924.
- 17. Комсомольское Рождество. Сборник материалов к празднованию комсомольского рождества. Л., 1925.
- 18. Коняев Ф. М. Урал и библия: Опыт историко-геологического исследования. М., 1927.
- 19. Львов А. Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011.
- 20. Майнер С. Сталинская священная война: религия, национализм и союзническая политика, 1941—1945. М., 2010.
- 21. Макаров Ю. Н. Издательская деятельность религиозных организаций на территории СССР в 1920-е годы и органы советской политической цензуры (ч. 1) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2007. № 4.
- 22. Малинина М. Д. Мамонт и библия. Рязань, 1930.
- 23. Массовый читатель и книга. М., 1925.
- 24. Мельникова Е. «Воображаемая книга». СПб., Европейский ун-т, 2011.
- 25. Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- 26. От редакции // Атеист. № 1. 1925. С. 1.
- 27. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М., 1934.
- 28. Першин Н. Коллекция Эволюция человека: путеводитель по музею. Брянский окружной антирелигиозный музей. Брянск, 1929.
- 29. Петров-Водкин К. С. Хлыновск: моя повесть; рисунки автора. Л., 1930.
- 30. Письмо наркома просвещения А. В. Луначарского председателю Главреперткома И. П. Трайнину. Июль 1923 г. // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. № 3. СПб., 2006. С. 257—286.
- 31. Плисецкий М.С. Религия и быт грузинских евреев. М.; Л., 1931.
- 32. Попов В. В. Происхождение земли и мира в изложении науки и библии. М., 1927.

- 33. Проханов И. С. В котле России, 1869—1933. М., 1993.
- 34. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.
- 35. Путинцев Ф. М. Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о "конце света"). М., 1930.
- 36. Ранович А. Б. Спиноза как родоначальник библейской критики // Антирелигиозник. 1932. № 21-22. С. 22 27.
- 37. РГАСПИ. Ф.17 Оп. 60. Д. 791.
- 38. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 169. Л. 12.
- 39. Струве В. В. История Древнего Востока. Л., 1941.
- 40. Таксиль Л. Занимательная библия. М., 1930.
- 41. Чистяков П. Сжечь Библию? // Сайт наследников священника Георгия Чистякова [Электронный ресурс]. 2016. URL: http://chistiakov.ru/column/sjeh-bibliyu (дата обращения 29.05.2018).
- 42. Шахнович М. М. Е. Г. Кагаров И Музей истории религии Академии наук СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 4. С. 571 —581.
- 43. Шахнович М. М. Этос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 185—197.
- 44. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб., 2016.
- 45. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии Академии Наук СССР и российское религиоведение (1932—1961). СПб., 2014.
- 46. Шенк Ф. Б. Политический миф и коллективная идентичность. Миф Александра Невского в Российской истории (1263—1998) // Ab Imperio. Казань. 2001. № 1-2. С. 141—164.
- 47. Эффель Ж. Адам познает мир. М., 1961.
- 48. Эффель Ж. Сотворение мира и человека: [Юмористические рисунки на библейские темы]. Таллин, 1961.
- 49. Юрков В. А. Ватикан и СССР. СПб., 2015.
- 50. Яковлев Я. А. Деревня как она есть: (очерки Никольской волости). М., 1924.
- 51. Ярославский Е. М. Библия для верующих и неверующих. Ч. 1—3. М., 1923—1925.
- 52. Andrews J. T. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917—1934 // East European Studies, № 22. College Station, 2003.
- 53. Batalden S. K. Russian Bible Wars: Modern Scriptural Translation and Cultural Authority. Cambridge, 2013.

- 54. Weinberg R. Demonizing Judaism in the Soviet Union during the 1920s. Slavic Review. 67. № 1. 2008. P. 120—153.
- 55. Yekelchyk S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian "Heroic Pasts", 1939—1945. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. N 3(1). 2002. P. 51—80.

Bible in the USSR

T. Chumakova

Saint Petersburg State University Russian Federation, Saint Petersburg

D. Pyzikov

Saint Petersburg State University Russian Federation, Saint Petersburg

Abstract

The article introduces a general picture of the specific existence of the Bible in the U.S.S.R. up to the late 1940-s. The sources include books published in the U.S.S.R. in 1922—1947, as well as various anti-religious media: "Bezbozhnik" ("Godless") Newspaper, "Antireligioznik" Magazine, and others. The authors argue that — in spite of the fact that the Bible was treated by ideologists as a kind of propagandist literature — it still played a significant role in the culture. The knowledge about the Bible was kept in the folk tradition. At that, the Bible was "an imaginary book" for the "people". There was also research works on the Bible and its translations (first of all, about the Slavic Bible). The biblical plots had been presented in art, and literature, that is why understanding them was an important part of the Soviet culture. Even the anti-religious propaganda could not escape studying the Bible and explaining the biblical plots. The casus of the Soviet propaganda was in the situation when the propagandist publications became a source of information about the Bible.

Keywords: Bible, USSR, history of the study of religion, "folklore Bible", ideology, science

Publication date: 29.02.2020

Citation link:

Chumakova T., Pyzikov D. Bible in the USSR // ISTORIYA. 2020. V. 11. Issue 1 (87) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: https://history.jes.su/s207987840007423-4-1/ (circulation date: 06.04.2020). DOI: 10.18254/S207987840007423-4

Код пользователя: 1917; Дата выгрузки: 06.04.2020; URL - http://history.jes.su/s207987840007423-4-1/ Все права защищены.